

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.82+159.9.019.45

К. Н. Любутин
П. Н. Кондрашов

НАСЛАЖДЕНИЕ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА

В статье рассматриваются некоторые аспекты философии истории К. Маркса, понимаемой в качестве фундаментальной части его целостной философской системы (наряду с философской антропологией и социальной философией). Анализируя Марксово учение о практике как сущности человека, авторы показывают, что практика в ходе развертывания исторического процесса выступает в двух основных формах — в форме *труда* [*die Arbeit*] (который характеризуется *необходимостью* и *страданием*) и в форме *самодеятельности* [*die Selbstbetätigung*] (которая характеризуется *свободой* и *наслаждением*). В статье делается вывод о том, что в философско-исторической теории Маркса имеется альтернативная (экзистенциально-эмоциональная) интерпретация истории, согласно которой историчность представляет собой постепенное движение от всеобщего труда через классовое разделение труда и наслаждение к тотальному господству самодеятельности и наслаждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: марксизм, философия истории К. Маркса, историчность, отчуждение, самодеятельность, наслаждение.

Карл Маркс известен многими своими идеями, но в научном отношении основной его заслугой (как по его собственному признанию, так и по мнению большинства обществоведов) является открытие и формулировка *материалистического понимания истории* — основной методологии марксистского исследования социальной реальности, значение которой для марксистской мысли трудно переоценить, ибо все остальные части классического марксизма (политическая экономия, философская антропология, социальная философия, философия истории, политическая философия, историография, литературоведение, кроме, быть может, диалектики природы) так или иначе фундированы в существовании этой методологии. Действительно, радикальная *историчность* социального бытия — это основной лейт-

мотив всех исследований К. Маркса. Л. Альтюссер однажды заметил: «Маркс “открыл” для научного познания новый “континент”, континент истории — подобно тому, как Фалес открыл для научного познания “континент” математики, а Галилей — “континент” физической природы» [1].

В силу такого фундаментального положения материалистического понимания истории в структуре Марксовой мысли это понимание подвергалось и подвергается детальному анализу (адекватному или неадекватному — это другое дело). Так, были тщательнейшим образом исследованы Марксовы представления о социальных формациях, о соотношении общественного бытия и общественного сознания, движущих силах истории, диалектике производительных сил и производственных отношениях, соотношении эволюции и революции, роли насилия, личности и народных масс в истории, закономерностях исторического процесса и т. д. и т. д.

Но большая часть исследований на эту тему была акцентирована и до сих пор акцентуируется на экспликации собственно *материалистических* моментов в Марксовой философии истории, в то время как такое положение дел затмевает некоторые иные, не менее, на наш взгляд, важные аспекты учения Маркса об историчности. Так, в советской версии марксизма (марксизме-ленинизме), а также в работах таких крупных марксистов, как А. Лабриола, Л. Альтюссер, Э. Балибар, Ж. Рансьер, Дж. Ремер, Дж. Коген, Й. Эльстер, М. Корнфорд и др., упускался, например, такой значительный срез понимания исторического процесса в работах Маркса, как фундированность Марксовой концепции историчности в его *учении о человеке*. Эти мыслители, в противоположность *гуманистическому* направлению в марксизме, представленному Франкфуртской школой, Э. Фроммом, А. Грамши, Р. Гароди, Р. Дунаевской, А. Шаффом и др., составили так называемый марксистский *«теоретический антигуманизм»*, в рамках которого исторический материализм рассматривается в качестве *точной науки*, а посему из его содержания полностью элиминируется «человеческий фактор», связанный со спонтанностью действий, что конституирует невозможность «математического» исследования истории как жестко детерминированного процесса.

К сожалению, до сих пор среди авторов сохраняется представление о марксизме как о «большой теории» (наподобие структурно-функционального анализа), в рамках которой нет места ни человеку, ни личности, ни непосредственному взаимодействию «живых конкретных индивидов», а есть только такие глобальные структуры, как «классы», «широкие народные массы», «способы производства», «формации» и «социальные тотальности». Или, как считали в советском сталинизме, *в марксистской философии нет антропологии*. В подобных интерпретациях история предстает как тотально *бес-человечный процесс*, в котором люди оказываются всего лишь марионетками некоторых трансцендентальных «железных законов» исторической детерминации и сверхдетерминации, которые у некоторых мыслителей приобретают чуть ли не субстанциональные формы.

И все эти интерпретации истории «без человека» называются «марксистскими», тогда как сам Маркс прямо говорил, что *«история не делает ничего»*, она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах!» Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек, — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, 102].

Еще одной, помимо антропологической, интерпретацией истории в работах К. Маркса является, если можно так выразиться, *экзистенциальное понимание исторического процесса*, которое связано с тем, каким образом человеческие индивиды внутренне, эмоционально, духовно *переживают* внешние формы темпорального развертывания своей собственной деятельности в структурах материального бытия. Экспликация *такого* среза в рамках *исторического материализма* по меньшей мере может показаться странной и даже противоречащей основным установкам марксизма. Но, как нам представляется, *тщательное прочтение* не только ранних работ классиков марксизма, но и «Капитала» (особенно глав 23 и 24 первого тома) позволяет вполне обоснованно говорить о наличии в мысли Маркса такой интерпретации истории. При всем этом мы, безусловно, понимаем, что этот «экзистенциальный срез» историчности берет свое начало в материальном взаимодействии людей и вне анализа этого взаимодействия (общения, общественных отношений) не имеет никакого смысла. Тем не менее рамки статьи вынуждают нас провести своеобразное *epoche* и «заклечь в скобки», редуцировать из анализа собственно деятельностно-материалистический фундамент экзистенциального, личностного переживания истории конкретными людьми.

Более того, в предлагаемой работе нам хотелось бы обратить внимание *всею лишь на один* малоизученный аспект Марксовой философии истории, а именно на *взаимосвязь феномена наслаждения [Geniϟ] и процесса развертывания исторического процесса*.

Заявленная тема может вызвать известное недоумение, так как, с одной стороны, проблема наслаждения является проблемой *этики*, а никак не философии истории; с другой стороны, даже в рамках этики Маркс обычно никогда не рассматривается в качестве представителя гедонизма (в крайнем случае, его относят к прагматистам). Но давайте начнем с самого начала, т. е. несколько издавек, — впрочем, в философии так всегда обычно и бывает¹.

Любое живое существо имеет потребности, которые удовлетворяются посредством вещей внешней природы. Способом, которым человек удовлетворяет свои потребности, является *сознательная преобразующая деятельность [die Tatigkeit]*, или *праксис [Praxis]*. В силу того что человек посредством праксиса производит и воспроизводит свою собственную жизнь, а значит и жизнь всего общества в целом, деятельность оказывается не просто *сущностью человека*, но и *субстанцией* человеческого способа присутствия, *способом человеческого бытия*.

В процессе деятельности человеческое существо сознательно, на основе изначально поставленной цели, с помощью тех или иных орудий преобразует природный материал (вещь) таким образом, чтобы в своей преобразованной, измененной форме этот материал был способен удовлетворить его потребность. В праксисе субъект полагает свое внутреннее бытие («дух»), самого себя *вовне*, в объект (при-

¹ Обилие цитат из произведений К. Маркса связано с тем, что сегодня в историко-философской литературе о Марксе принято говорить как о чем-то само собой понятном, но одновременно при этом упоминать вещи, которые к нему никакого отношения не имеют. В силу такой подачи Маркса о нем складывается совершенно неадекватное представление, поэтому каждый тезис, возникающий у нас в ходе интерпретации Марксовой философии, мы старались подтвердить соответствующей цитатой. Работа историка философии не должна основываться на домыслах, если перед ним имеются необходимые тексты.

роду), т. е. здесь происходит материальное воплощение сознания в материю — *опредмечивание* [*Vergegenständlichung*], в результате которого возникают *предмет, предметный мир, культура* (нечто искусственное, созданное человеком и не встречающееся в природе в естественном виде, в отличие от вещи, являющейся природным материалом). Таким образом, в предмете оказываются одновременно снятыми субъект (человеческое сознание и деятельность) и объект (природный материал).

В предмете отражаются условия социального бытия, так как всякий предмет, созданный людьми, несет в себе структуры и смыслы того универсума, в котором он был создан. Создание предмета, таким образом, оказывается практическим вкладыванием социально-субъективных образов в объективную вещьность — *опредмечиванием* [*Vergegenständlichung*, или *Äußerung*, выдавание вовне, отдавание другим, овнешнивание, экстерииоризация]. Другие же люди, пользуясь данным предметом, созданным *не ими самими*, в процессе своей собственной деятельности осваивают способы действий с ним, т. е. усваивают, интериоризируют его логику, вложенную в него создателем предмета. В этом случае происходит *распредмечивание* идей, проектов, мыслей, деятельностей [*Aneignung*, присвоение, овнутривание, интериоризация]², опредмеченных, материализованных и застывших в предмете: субъективные переживания другого в практическом освоении предмета становятся моими собственными субъективными переживаниями.

Таким образом, сущность человека — деятельность — включает в себя не только субъект с его преобразующей активностью, но и внешний мир, «втянутый» в эту активность, т. е. в структуру практических *отношений-человека-с-миром*. Практика — это вся *тотальная совокупность необходимых субъективных и объективных условий и структурных элементов этой активности*. Человек уже не вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела: он представляет собой действительную неразрывность *субъектной и объектной* сторон практики. Человек есть не только в-себе-сущее, «*внутреннее*», но он постоянно находится *вне себя* [*äußer*] в прямом смысле этого слова: предметный мир оказывается действительным, практическим *продолжением его духа и его тела*.

Имманентная диалектика *Äußerung* и *Aneignung* в процессе развертывания праксиса состоит в том, что «мое», «внутреннее» сначала становится «внешним», принадлежащим предметности, а затем — «внутренним» достоянием другого. Так, моя мысль сначала овнешняется [процесс *Äußerung*] в виде речевого акта или письменного текста, а затем схватывается сознанием другого человека, т. е. становится внутренней [процесс *Aneignung*]. Подобный механизм действует и в обратном направлении, когда внешнее интериоризируется, овнутривается мной.

Это надо понимать так, что если нечто от человека *переходит* в объективную реальность и человек *осознает* этот переход, то он каким-то образом *переживает* свое отношение-к-предмету. Эта практическая связь человека с миром обнаруживает себя в форме *неравнодушного* отношения-к-миру, эмоционально-экзистенциальной захваченности человека миром и мира человеком. Древние греки подобное отношение обозначали термином *συμπάθεια*, этимология которого отсылает к *совместности* и *страданию*, т. е. указывает на *со-страдание* и одновременно с

² Авторы выражают благодарность В. Ф. Шелике за тщательное разъяснение сложной немецкой терминологии, используемой Марксом, а также за обсуждение некоторых моментов данной статьи.

этим — на *совместную страсть, равнодушие* друг к другу. Мир «задевает», затрагивает, касается человеческого существа. И в этом подлинно диалектическом взаимодействии человека и мира, собственно говоря, и состоит то, что Маркс обозначает немецким термином *Verkehr, общение*.

Феноменологически это отношение-к развертывается следующим образом: (1) сначала господствующий способ производства на базисе материальных, производственных отношений задает общую модель, «парадигму» взаимоотношений, интеракций, которая превалирует в данном типе социальной структуры; (2) затем этот тип отношений реализуется в отношениях с вещами³; (3) отношение-к-вещам, *непосредственно* фундированное в механизмах способа производства, постепенно «распространяется» на отношения между людьми; (4) и, наконец, на базе всего предыдущего формируется определенный тип отношения к самому себе и своей собственной бытийной включенности в мир.

В системе своих общественных отношений, своего общения [*Verkehr*] человеческое существо, понимаемое Марксом как тотальность общественного индивида и внешнего мира, вступая в связи с внешним обнаружением самого себя в-мире, с одной стороны, в своих действиях выражает свою собственную экзистенцию *для иного* (будь то люди, животные, предметы, элементы природы, идеи); с другой стороны, *иное*, также выражающее, овнешняющее свою экзистенцию, экзистенциально схватывается человеком и переживается как *συλλάθεια* [ср.: 6, 631–632]. Это, собственно говоря, и есть экзистенциальное бытие-в-мире, субъектная и даже эмпатическая (субъект-субъектная) сторона *Verkehr*.

Но диалектика *Äußerung/Aneignung*, отсвоения/присвоения, овнешнивания/овнутривания такова, что в определенных условиях эти процессы могут выступать в двух совершенно противоположных формах — *подлинной* и *неподлинной*.

Подлинность человеческого праксиса означает, что между этими двумя сторонами деятельности существует имманентное единство, согласие, когда, скажем, моя любовь в качестве внешнего действия по отношению к любимому человеку (*Äußerung*) вызывает ответное чувство, которое я вбираю в себя (*Aneignung*). Но и любимый, отдавая мне свою любовь (*Äußerung*), впитывает любовь, даваемую ему мной (*Aneignung*). Наши действия, выражаясь гегелевским языком, *светятся-друг-в-друге*. Подлинность праксиса фундируется, таким образом, в том, что всякое овнешнивание всегда вызывает ответные процессы, т. е. *наделяет ответной деятельностью* другого, а значит, «компенсирует» себя в этом взаимном действии другого, которое субъект («Я») овнутривает в структуру своего собственного существа. Деятельность двух индивидов оказывается сбалансированной взаимностью *Äußerung/Aneignung*, отсвоения/присвоения, она составляет не разорванную субстанцию, а тотальность, которая и называется, в нашем случае любовью.

Если человеческая деятельность реализуется как деятельность внутренне и внешне *свободная* — а такова она *по своей имманентной сущности*, то связь человека с миром переживается как *наслаждение, удовольствие* [*Genieß*], которое Маркс понимает по крайней мере в двух аспектах.

³ Ср. отношение-к-вещам, например, в средневековом и современном обществах: в первом случае предметы производятся индивидуально, во втором — массово, отсюда конституируется и различное отношение к ним — либо интимное и заботливое, либо сугубо потребительское и бездушное.

Во-первых, он говорит о *субъективном* наслаждении, в котором человек наслаждается чувственным утверждением [*Bejahung*] предмета, например, непосредственно потребляя его в виде пищи, питья, обрабатывая его своим физическим и духовным трудом [6, 616]. Но уже в этой простой чувственности наслаждения человеческое существо воспринимает предмет не как животное, а именно как человек: чтобы наслаждаться музыкой, надо быть музыкально образованным человеком, чтобы наслаждаться пищей, надо быть гурманом в хорошем смысле этого слова, а не забитым голодным существом, для которого важна только *пища* (*Fressen*, жратва), а не ее качество, поэтому бедность, нищета для Маркса *a priori* оказываются бесчеловечностью, скотством [Там же, 600–601].

Во-вторых, Маркс говорит о субъект-субъектном наслаждении, которое возможно только в условиях отсутствия отчуждения, а значит и при наличии очеловеченных чувств и ощущений. Эта форма наслаждения более фундаментальна, ибо она схватывает, репрезентирует в себе не просто антропологическую ситуацию человечности, а ситуацию социальной человечности. По Марксу, «поскольку человек *человечен*, а следовательно и его ощущение и т. д. *человечно*, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и его собственное наслаждение» [6, 616]. Речь здесь идет о том, что я наслаждаюсь тем, что другой наслаждается своим собственным утверждением предмета в субъективном смысле. Мне доставляет удовольствие созерцание *наслаждения другого*: повар наслаждается тем, что приготовленная им пища доставляет наслаждение другим, музыкант испытывает радость оттого, что его музыка вызывает эстетическое наслаждение у слушателей, рабочий испытывает наслаждение потому, что кто-то наслаждается использованием вещи, которую сделал он. Подобные отношения были характерны для первобытных людей, живших в эпоху палеолита, в виде традиции безвозмездного дарения. Так, например, бушмены говорят: «Мы всегда дарим что-нибудь друг другу. Мы отдаем все, что имеем. Это наш способ жить вместе» [2, 151]. То же самое можно наблюдать и у маленьких детей, особенно из бедных семей: ребенок, сделавший из пластилина фигурку, дает ее другому ребенку, и *действительно радуется*, наблюдая, как тот наслаждается подарком.

Такое единство субъекта и объекта в практической деятельности есть *сущность человека*, положенная в своем *чистом* виде, когда субъектные и объектные условия практики не противоречат друг другу. Но в конкретно-исторических условиях существования человека подлинный праксис фактически никогда не осуществлялся в своей тотальности, а если и имел место, то только для весьма ограниченного числа людей (как правило, из экономически господствующего класса, ибо они освобождены от необходимости превращать свою деятельность в простое средство для выживания, а не в цель).

В конкретных исторических условиях обнаруживает себя *неподлинное* осуществление праксиса, проявляющееся в том, что процессы *Äußerung* и *Aneignung* не просто оказываются противоположными (для диалектики это вполне естественно), но при всей своей противоположности они *не отражаются, не рефлектируют, не светятся-друг-в-друге*. Неподлинное осуществление праксиса, таким образом, связано с определенной формой дисбаланса, противоречия между имманентными деятельности процессами *Äußerung* и *Aneignung*. Феноменологически подобный дисбаланс обнаруживает себя в таких формах, как *безответность* (в нашем примере с любовью), *неэквивалентность* (в процессах эксплуатации), *утрата* (в про-

цессах отчуждения), *превращение* (например, в виде превращенных форм сознания, в товарном фетишизме, видимости, идеологии, иллюзорности — феноменах, описанных Марксом), *бесчеловечность* (в условиях существования или общения людей). Сама по себе неподлинность конституируется только тогда, когда созревают соответствующие условия для ее разворачивания.

Попытаемся теперь включить эти особенности двух способов реализации человеческого праксиса в общий контекст Марксовой социально-философской концепции.

Известно, что под историчностью Маркс понимает такое разворачивание социального праксиса во времени и пространстве, в рамках которого одно поколение, изменяя налично данную природу, созидает конкретный предметный мир и конституирует конкретные формы социальной организации своего собственного бытия; этот социально-предметный универсум затем *изменяется* следующим поколением и т. д. и т. д. [7, 44–45]. Нас здесь не интересуют движущие силы этих изменений, — самое главное состоит в том, что динамика этих преобразований и их имманентная преемственность дана налично в виде того, что Маркс назвал *способами производства*, а в более широком смысле — *социально-экономическими формациями*. Как же связаны между собой учение о подлинном и неподлинном праксисе и учение об историчности? Думается, что в исторической ретроспективе диалектика подлинной и неподлинной деятельности может быть представлена следующим образом.

В условиях первобытного общества (по крайней мере, со времен возникновения земледелия) в силу неразвитости производительных сил *все* члены человеческого общества в равной степени были *вынуждены* трудиться, и эта всеобщая деятельность представляла собой *тяжелый непрерывный повседневный труд* [*die Arbeit*] без всяких отпусков и выходных. И только лишь редкие всенародные праздники доставляли короткое освобождение от этой рутины и придавали некоторую человечность существованию индивидов. Но дальнейшее усовершенствование техники, бессознательная и даже сознательная селекционная деятельность, войны и т. д. привели к тому, что объемы производимой продукции стали превышать налично требуемое количество, — появляются *излишки*. Именно возникновение последних позволило некоторой части населения (совершенно различными способами) конституировать такие общественные отношения, в которых они *освобождались* от *необходимости* непосредственного участия в физическом труде. Но самое главное в этом процессе, с точки зрения Маркса, состоит в том, что *основой* такого разделения общества на «трудящихся» и «нетрудящихся» является узурпация последними материальных (а затем и духовных) ресурсов обеспечения жизнедеятельности общества, т. е., говоря современным языком, возникновение *частной собственности на средства производства*.

Именно *частная собственность* и положила конец первобытной *всеобщей* трудовой повинности. Если раньше все люди трудились без отдыха, то отныне частная собственность ввела социальную сегрегацию: большинство работает, меньшинство отдыхает⁴. Этот «отдых» конечно же не есть ничегонеделание современного

⁴ «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» [3, 661].

тунеядца, напротив, в некотором смысле он представляет собой нечто весьма «тяжелое»: управление государством, философствование, художественная деятельность, занятия наукой и самообразование, участие в пирах, светской жизни и гламурных тусовках. Но *фундаментальное различие* между этими двумя типами человеческой деятельности состоит не в степени их сложности или тяжести, а в том, что первая деятельность — *труд* [*die Arbeit*] — является деятельностью *вынужденной* и зачастую *принудительной*, в то время как деятельность второго типа оказывается деятельностью *свободной* (Маркс называет ее *самодетельностью*, *die Selbstbetätigung*); первая осуществляется человеком в силу того, что он (раб, зависимый крестьянин, рабочий) *должен* выполнять ее, чтобы просто-напросто физически *выжить*, ибо у него нет иного источника для существования, кроме своей рабочей силы; вторая, напротив, осуществляется человеком только потому, что он сам *хочет* ее выполнять, даже несмотря на все ее трудности и сложности.

В силу этих различий *die Arbeit* оказывается деятельностью, приносящей утомление и страдание, так как индивид *не желает* ее выполнять, а *die Selbstbetätigung*, напротив, приносит удовольствие, ибо оказывается деятельностью *не вынужденной*, а *свободной*. Однако не надо думать, что *die Arbeit* — это деятельность только «трудящихся», а *die Selbstbetätigung* — деятельность «свободных художников». На самом деле любая человеческая деятельность может выступать в той или иной форме. Например, работа на токарном станке, которая утомляет и раздражает современного рабочего, доставляла огромное удовольствие Петру I, а процесс написания многих произведений вызывал чуть ли не тошноту у Ф. М. Достоевского, ибо причиной их написания была необходимость заработать деньги, чтобы расплатиться с долгами. Как заметил молодой Ф. Энгельс, «если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно!» [9, 351].

Следует заметить, что разделение труда и наслаждения, с точки зрения Маркса, носит не обезличенный характер простого размежевания, равнодушного к конкретным условиям бытия людей, напротив, Маркс, в прямом соответствии с методологией материалистического понимания истории говорит о том, что это разделение носит не только *классовый*, но и *исторический* характер.

Так, в «Немецкой идеологии», критикуя антиисторические взгляды М. Штирнера, он пишет: «В Средние века наслаждения были полностью классифицированы; каждое сословие имело свои особые наслаждения и свой особый способ наслаждаться. Дворянство было сословием, обладавшим привилегией — жить исключительно для наслаждения, тогда как у буржуазии существовал уже разрыв между трудом и наслаждением, и наслаждение было подчинено труду. Крепостные — класс, предназначенный только для труда, — пользовались только крайне малочисленными и ограниченными наслаждениями, которые выпадали на их долю скорее случайно, зависели от прихоти их господ и от других случайных обстоятельств и едва ли могут приниматься в расчет. — При господстве буржуазии наслаждения восприняли свою форму от классов общества. Наслаждения буржуазии определялись материалом, произведенным этим классом на различных ступенях его развития, и им был придан — как индивидами, так и усиливающимся подчинением наслаждений денежной наживе — тот скучный характер, каким они отлича-

ются до сих пор. Наслаждения пролетариата — из-за длинного рабочего дня, в силу чего потребность в наслаждении была доведена до высшей точки, а с другой стороны, благодаря качественной и количественной ограниченности доступных для пролетариев наслаждений — приобрели свою нынешнюю грубую форму» [7, 419].

Таким образом, с точки зрения К. Маркса, содержание феномена наслаждения носит *исторический характер*. Более того, имеется своеобразная бытийная *диалектика* наслаждения и страдания в рамках классового общества. Маркс, в отличие от своих эпигонов, рассматривал отчуждение не только рабочих, но и капиталистов, ибо в условиях буржуазного общества имеет место *тотальное отчуждение*, захватывающее всех членов социума. «Прежде всего необходимо заметить, что все то, что у рабочего фигурирует как *деятельность отчуждения* [Tätigkeit der Entäußerung], *самоотчуждения* [Entfremdung], у не-рабочего выступает как *состояние отчуждения* [Zustand der Entäußerung], *отчужденности* [Entfremdung]» [6, 571].

Класс капиталистов, как и класс рабочих, также включается в это перманентное тотализирующее отчуждение, потому что и капиталист в своем социальном положении выпадает из подлинно человеческих связей: предмет, принадлежащий ему, произведен не им самим, он не вкладывал в него свою собственную душу, и только поэтому в его потреблении предмета уже *a priori* заложена отчужденность. Правда, капиталист экзистенциально переживает эту отчужденность совершенно иначе, чем рабочий. «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования» [8, 39].

Капиталист *ведет* себя как лишь *преходящий*, с жира бесящийся индивид и рассматривает чужой рабский труд, человеческий *кровавый пот* как добычу своих вожделиний, а потому самого человека — следовательно и себя самого — как приносимое в жертву, ничтожное существо (причем презрение к людям выражается отчасти в виде надменного расточения того, что могло бы сохранить сотню человеческих жизней, а отчасти в виде подлой иллюзии, будто его необузданная расточительность и безудержное непроизводительное потребление обуславливает *труд*, а тем самым *существование* другого); осуществление человеческих *сущностных сил* представитель такого рода богатства мыслит только как осуществление своих чудовищных прихотей и странных, фантастических причуд» [6, 608]. Но за *внешним* благополучием и богатством не-рабочего скрываются *внутреннее, экзистенциальное* одиночество, тоска, духовная опустошенность и усталость. Именно их пытаются «развезать» шопингом, фитнесом, вечеринками, проститутками, рулеткой, казино, личным психоаналитиком, групповым сексом или экстремальным спортом.

Обратной стороной этого отчуждения и самоотчуждения капиталиста в *богатстве* является отчуждение и самоотчуждение рабочего в *нищете*. Если в положении капиталиста имеет место *видимость* человеческого бытия, то в нищете рабочего исчезает даже эта видимость, — его бытие в своей *действительности* оказывается бытием *бесчеловечным*. Рабочий является существом, осознающим «свою духовную и физическую нищету, эту обезчеловеченность [Entmenschung]» [8, 39].

Эта радикальная обезчеловеченность ближайшим образом обнаруживает себя в том, что «наслаждения» рабочих представляют собой самые примитивные формы получения удовлетворения, а именно пьянство и секс. Более того, говорит Маркс, «в результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному? Правда, еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер» [6, 564].

Бесчеловечность для Маркса, таким образом, означает принудительный труд рабочего в условиях частной собственности, которые детерминируют богатство капиталиста и нищету рабочего, т. е., с одной стороны, *видимость человечности*, а с другой — *бесчеловечную действительность*. Но оба этих положения, несмотря на их внешнюю противоположность, в равной степени обозначают человеческое самоотчуждение.

Общее заключение, которое делает Маркс в «Немецкой идеологии», таково: «разделение труда делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путем устранения разделения труда» [7, 30–31] (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — К. Л. П. К.).

Здесь важно отметить два момента. С одной стороны, на первый план выступает *разделение труда* [*Teilung der Arbeit*], которое раньше не играло центральной роли в общем подходе к определению бесчеловечности. Но Маркс указывает: «Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» [7, 31]. И в этом смысле понятия «частная собственность», «разделение труда», «отчуждение», «бесчеловечность», «принудительный труд», «эксплуатация» и более позднее «выкачивание прибавочной стоимости» фактически *тождественные понятия*. Различие между всеми ними состоит только лишь в том, что каждое из них описывает какой-то отдельный, специфический аспект функционирования капиталистического способа производства. С другой стороны, Маркс в приведенном фрагменте указывает на весьма значимое для нашего исследования отношение: он *противопоставляет* работу, труд [*Arbeit*] и наслаждение [*Genuß*]. Эти две формы человеческой жизнедеятельности несовместимы друг с другом в рамках буржуазной формы общения.

Но *положительной* чертой классовой борьбы являлось то, что она заставляла усовершенствовать производство, технологии, общественные отношения, политические институты. Все это в совокупности вело к тому, что у тех, кто ранее был полностью поглощен выполнением обезчеловечивающего труда, постепенно появлялось все больше и больше *свободного* времени, т. е. того времени, в рамках которого они могли заниматься не тем, что им предписывала их нужда, но тем, что

диктовало их собственное *желание*. Достаточно сравнить темпоральную структуру жизнедеятельности современного рабочего и рабочего середины XIX в., чтобы понять содержание этого прогресса.

Именно «нечеловеческий каторжный труд» рабочего, его нищета и бесчеловечная действительность, его обезчеловеченность являются субъективным источником того, что капиталистический способ бытия ведет самого себя к *уничтожению* на основе объективного развития общественного характера производства.

Но коль скоро *Arbeit* в условиях разделения труда, т. е. классового общества, и особенно при капитализме означает *бесчеловечность*, то подлинной человечности можно достичь только посредством *уничтожения труда* и *утверждением удовольствия от самостоятельности* [*Selbstbetätigung*]. Только коммунистическая революция сбрасывает «с себя всю старую мерзость» и уничтожает не один господствующий класс, заменяя его другим господствующим классом, а уничтожает «современную форму деятельности» [7, 70], т. е. труд [*die Arbeit*]: «при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*» [Там же].

Ранее вообще мало кто (даже среди марксистов) понимал то туманное место из «Немецкой идеологии», в котором Маркс и Энгельс говорят об уничтожении труда [*Aufhebung der Arbeit*]. Думается, что после проведенного анализа это становится совершенно прозрачным: под *трудом* здесь Маркс и Энгельс понимают не *деятельность вообще* [*Praxis, die Tätigkeit*] (таковая может исчезнуть лишь вместе с человеком), а только несвободную, вынужденную деятельность, существующую в капиталистическом обществе и приносящую страдания [*die Arbeit*].

В своей политической теории Маркс, когда описывает коммунизм, собственно говоря, производит тотальную экстраполяцию этого процесса постепенной элиминации *die Arbeit* и замещения ее *die Selbstbetätigung*. Коммунизм мыслится Марксом как общество, в котором развитие производительных, духовных, экзистенциальных и всех иных сущностных сил человека достигнет такого радикального, невиданного ранее уровня, в результате которого *все члены общества* будут *человечными* в том совершенно простом смысле, что будут *свободны* в выборе своей собственной деятельности, которая будет для них экзистенциально и эмоционально желанна, когда они будут не бежать от нее, как от чумы, а будут получать от нее удовольствие, — когда бытие превратится в *радость жизни* [*Lebenslust*], которая *проявляется только там, где нет неестественного принуждения и цепей буржуазной жизни, а есть только свободное проявление человеческих склонностей, человеческий восторг и богатство ощущений*.

Наслаждение и радость возможны только тогда, когда человеческая деятельность перестает быть *работой, вынужденным трудом, осуществляемым ради физического выживания*, и становится *самодетельностью*. Маркс и Энгельс писали: «Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодетельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодетельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей... Только на этой ступени самодетельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют

друг другу превращение труда в самодеятельность [*die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung*]⁵ и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые» [7, 67–69]. *Деятельность* же, совершающаяся в условиях, в которых уничтожен отчужденный труд, по сути дела, совпадает с *наслаждением*, так как здесь «отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением!» [Там же, 206].

Таким образом, видно, что для Маркса исторический процесс предстает в виде постепенного, во многих отношениях трагического, движения от *die Arbeit* к *die Selbstbetätigung*, от *вынужденности* к *свободе*, от *отчуждения* к *подлинности человеческого бытия*, от *страдания* к *удовольствию*.

В структуре этого исторического движения при ближайшем рассмотрении можно выделить следующие три стадии:

- 1) тотальное господство *die Arbeit*;
- 2) разделение общества на социальные группы, одна из которых существует за счет другой в силу наличия излишков (позже — частной собственности), т. е. происходит *социальное* разделение между *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung*;
- 3) тотальное господство *die Selbstbetätigung* при известном сохранении необходимого труда (*die Arbeit*), который, правда, уже не будет носить характер отчуждения и страдания, так как индивиды будут выбирать его свободно.

В некотором отношении приведенная периодизация исторического процесса совпадает с периодизацией, предложенной Марксом в «*Grundrisse*»: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный), приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег*, *меново́й стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних» [5, 100–101].

В этом фрагменте о трех формационных ступенях исторического процесса Маркс, как нам представляется, акцентирует внимание не столько на производственной составляющей (которая есть базис), сколько на *человеческой*, даже можно сказать *экзистенциальной* стороне исторического процесса, связанной с понятием *свободы*: история выступает как *процесс постепенного освобождения человека*. И это нам представляется *решающим* в Марксовой философии истории.

Подводя итог предпринятому исследованию, можно заключить, что в философии истории К. Маркса имеет место не только социально-производственное понимание исторического процесса, которое выражено в его учении об общественных формациях и способах производства. Социальные процессы производства и вос-

⁵ Обратите внимание на противопоставление Марксом понятий *die Arbeit* и *die Selbstbetätigung*.

производства наличного бытия человеческих индивидов, безусловно, являются *базисными*. Более того, именно их анализ позволяет научно объяснить историческую динамику социального бытия. Но для Маркса социально-производственные процессы — всего лишь тот фундамент, посредством анализа которого мы можем пробиться к собственно *человеческому, экзистенциальному* срезу исторического процесса⁶. А этот срез эксплицирует то, что история — это не только естественно-историческая закономерная смена способов производства и общественных формаций, но и параллельное освобождение человека от бесчеловечности, постепенное превращение его в подлинно человеческое существо, сущность которого заключается в способности свободно осуществлять свою творческую деятельность [*die Selbstbetätigung*], наслаждаясь ею. К сожалению, эта экзистенциальная интерпретация истории в работах К. Маркса до сих пор остается почти незамеченной.

-
1. *Альтюссер Л.* К читателю // Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. URL: <http://www.politizdat.ru/fragment/41/>
 2. *Кабо В. Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
 3. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 23.
 4. *Маркс К.* Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 4.
 5. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1968. Т. 46, ч. 1.
 6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
 7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3.
 8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Там же. Т. 2.
 9. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Там же.

Рукопись поступила в редакцию 7 июля 2008 г.

⁶ Именно этот, последний момент, на наш взгляд, как раз-то и позволяет методологически эксплицировать одну из важнейших идей Маркса — идею об историчности человеческой природы (сущности). В «Ницете философии» Маркс прямо говорит: «...вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» [4, 162].